

Боль и сила «Прикосновения»

Королевский национальный театр показал пьесу Патрика Марбера

Общая газета, 1999, 28 окт. - с. 9

Неудивительно, что гастроль Королевского национального театра стали громким событием. Молва о «новой волне», провозгласившей закат режиссерского театра и вызвавшая ажиотаж вокруг английской драматургии, докатилась и до Москвы. Драматург Патрик Марбер — наиболее характерный образец модного стиля. Желая приобщиться к театру будущего века было как встарь — лишней билетик спрашивали на далеких подступах к Моссовету.

НАДО сказать, что пьеса при первом чтении показалась мне «неприятной», слишком уж бесстыдно-откровенной, слишком уж бесстрастно-отстраненной. Но — на верное, и даже несомненно, ровно такое же неприятие вызвали поначалу и пьесы сегодняшнего классика Джо Осборна: новый, непри-

вычный голос всегда воспринимается именно так — резким, царапающим, раздражающим...

Но новизна пьесы Марбера во все не в звучащих словах. Ибо, произносим в самом деле множество слов, герои, в сущности, мало что говорят друг другу! Слова либо чрезмерно откровенны (настоячивое, почти маниакальное, стремление к «правде», присущее всем четверым персонажам пьесы, скорее разрушает, нежели воссоздает их отношения), либо пусты — а вот прикосновения... Уже почти в финале самая юная героиня пьесы Элис в ответ на признание Дэна в любви скажет: «Где эта любовь? Покажи мне. Я ее не вижу, не чувствую. Я не могу к ней прикоснуться. Я слышу слова, слова, слова, но что мне с твоих слов?»

Автор пьесы и создатели спектакля зафиксировали некий случайный фрагмент жизненного потока. Просто — встречи, просто — расставания, смены партнеров, происходящие как будто бы доста-

точно бесстрастно. Страсть — как кажется — вскипает в спектакле всего один раз: когда Дэн, назвавшись Анной, и Ларри занимаются сексом по Интернету. То есть — когда общение их происходит через посредство компьютера, общение виртуальное, неосознаемое — потому никому ничем не угрожающее, что называется, необременительное. Ведь все, что мы видим на экране, — это снова всего лишь слова. Слова, поза, игра — эти ухищрения, придуманные современным человеком, с помощью которых он ограждает себя — подобно телефонному автоответчику — от излишних, ненужных, смущающих покой взрывов и потрясений. Истинное чувство — а оно есть, и от него никому не деться, ибо оно не подвластно смене времен и эпох, — проявляется именно в прикосновениях: редких, подчас целомудренно-бережных, подчас вызывающе-бесстыдных. Прикосновение — это то, что способно причинить реальную

боль — или, напротив, вызвать волну мучительной нежности. Прикосновение — это то, что имеет реальную силу и реальную власть.

В своей открытости (за которой много-много скрытого и потасного), в своей внешней легкости и непритязательности спектакль, сыгранный в Москве, подчеркнуто современен. Легкие декорации, легко поддающиеся изменениям, вполне непритязательные и необременительные: стул — лавочка — диван... Легкая смена партнеров. Все — очень просто. Все — абсолютно естественно. Однако четверо актеров, абсолютно нам неведомых, играют и совсем иное. Играют то, что можно было бы назвать вечным чувством: нечто в самом замечательном смысле слова — старомодное. Ведь еще принцем Гамлетом относительно тишеты слов что было говорено? Вот именно, слова, слова, слова...

Юрий ФРИДШТЕЙН